

Стоял жаркий безветренный июльский день. В небе парили редкие, но пышные разомлевшие облака. Сосны, освещенные солнцем, казалось, дремали. Лес выглядел притихшим; птиц не было видно, так как они попрятались в кронах деревьев. Ничто не нарушало тишины: ни шум упавшей сухостойной ели, ни стук неутомимого дятла, добывающего свой корм на старой лиственнице, ни разговоры ягодников, которые знали эти места и активно их посещали.

По тропинке, виляющей среди молодого березняка, я вышел на берег неширокой и тихой речки, которая так деликатно несла свои воды среди тенистых берегов, что ее течения невозможно было и заметить. Речка мне так понравилась (невдалеке она делала крутой поворот), что я, присев в тень большого и раскидистого ясеня, достал альбом и сделал быстрый набросок. А потом прописал детали, которые меня заинтересовали: зеленоватый цвет воды у теневого берега и стальной — у противоположного, вербы, свесившие свои длинные тонкие ветви почти до самой воды, широкая даль за речкой, бледная синь неба над ней.

— После усердных трудов не грех и отдохнуть.

Это сказал приземистый, кряжистый старик в соломенной шляпе и с окладистой седой бородой; он был в кирзовых сапогах и светло-коричневой рубашке навыпуск, подпоясанной тонкой тесемкой; за плечами у него был большой рюкзак, в руках вместительная матерчатая сумка.

— А мил человек не осерчает, если я рядышком присяду? — добавил он, с любопытством оглядывая меня.

— Наоборот, буду рад, — отозвался я, нисколько не удивившись появлению незнакомца.

— Вот и ладно.

Старик скинул рюкзак с плеч и поставил его на землю, а потом, кряхтя, сел рядом со мной; положив соломенную шляпу на рюкзак, он пригладил редкие седые волосы.

— Какую благодать Господь сотворил! — минуту помолчав, сказал он. — Глядишь, глядишь и не наглядишься! Уж боле семи десятков прожил на белом свете, а не перестаю удивляться! Хучь бы эта речушка-красавица! А лес! А луга! А омуты! Разе все перечислишь?..

— Грибы собирал? — поинтересовался я.

— Не угадал. Я травник. Травы — моя слабость. — Он посмотрел вдаль, за речку. — Знаю их все наперечет: и горицвет, и калган, и пастушья сумка, и подмаренник, и ятрышник, и таволга... и все нужны, все полезны... вся аптека перед нами... Кажин день собираю. Сельчане говорят: «Евграф, куда тебе столь?!» А я отвечаю: «Для людей. Эвон сколь больших».

Евграф провел по бороде одной рукой, потом другой; руки у него были большие, узловатые, мозолистые.

— Энтим летом собираю токо одну траву.

— Интересно, какой повезло?

— Сушенице топяной.

— А другие?

— Другие погодят.

— В чем тут дело?

— А дело очень простое — энта травка особливая.

— В чем же ее особенность?

— Она исцеляет дюже редкую болесь.

— Какую?

— *Заморочение* головы. Н-да... Другие не исцеляют, а эта исцеляет.

— Вот это трава так трава! — воскликнул я. — А как она выглядит?

— Да так и выглядит.

Евграф встал, сделал несколько шагов в сторону, сорвал кустик травы и протянул мне:

— Вот она!

Кустик был серенький с желто-белыми цветами на концах веточек. Сколько раз я проходил мимо таких кустиков и не замечал их, а они, оказывается, не простые, а, можно сказать, золотые. Я посмотрел на травку на некотором расстоянии, вертя ее в руках, а потом понюхал цветочки — запаха они, к сожалению, не издавали, а может, меня нюх подвел.

Я протянул сушеницу Евграфу.

— Это таперя твоя, — сказал он, снова садясь на землю. — Может, и сгодится кому.

— Все может быть, — согласился я, пряча кустик в сумку. — А скажи, пожалуйста, добрый человек, в чем проявляется это самое *заморочение*?

— *В кривости.*

— В какой-такой *кривости*?

— *В кривости ума.*

Евграф замолчал, наверно, для того, чтобы я лучше усвоил эту мысль.

— Ноне скрость *замороченные*. Я редко наведываюсь в город, а как приеду — вижу: народ *не тот, что раньше*. Спросишь кого: он говорит, а я не понимаю. Слова какие-то *кривые, ненашенские*...

— А в селе?

— И в селе швах. Я их, бедолаг, жалею, сильно жалею. И хочу *выправить*. Собираю сушеницу и раздаю забесплатно. Мешкам счет потерял...

— И помогает?

— Еще как помогает! Вот мой сосед, Ветрогонов Петро, совсем *хмурой* стал, а как попил моей травки — *выправился*, стал здраво рассуждать. В городе многим помог. Как встретят меня, кланяются: «Спаси Христос» говорят.

— Выходит, ты второй доктор Айболит, — улыбнулся я.

— Выходит так. Много людей замороженных, очень много, особенно на Украине. Там они какие-то... особая замороженность у них — вот что я скажу. *Криво мыслят*, да так *криво*, что дальше некуда. — Евграф потрянул головой, так что его борода качнулась из стороны в сторону. — Я им тоже помогаю.

— Каким образом?

— Посылаю травку. Три мешка отправил в Киев и столько же во Львов. Во Львов надо бы поболее, но не все сразу. Я дал себе задание: до конца сезона собрать еще десять мешков! И все отправить на Украину!

— А успеешь? Лето ведь короткое.

— Успею! Сушеница цветет все лето и всю осень. Знает красавица, что нужна людям!

— А скажи, добрый человек, как принимать чудо-траву? Это ведь очень важно.

— Ее надо пить как чай. Заваривай и пей — и все будет в порядке.

Со стороны реки повеял легкий ветерок. Листья ясеня слегка затрепетали. Справа появилось такое большое облако, что оно закрыло почти полнеба. На реку, на заречную даль, на березовую рощу легла густая тень.

— Господь милостив, — сказал Евграф, поправляя голенища сапог. — Послал нам, грешным, прохладу.

Он поднялся, накиннул на плечи рюкзак, надел на голову шляпу.

— Ну, прощевай, мил человек, погутарили — и хватай. Не хочу терять ни минуты. До заката, даст Бог, наполню рюкзак доверху.

Евграф поклонился в мою сторону, осенил себя широким крестным знаменем и пошел вдоль реки, часто нагибаясь, чтобы сорвать очередной кустик чудо-травы.

